

Анонимам и псевдонимам.

В газете «Речь» перепечатан из газеты «Дни» «Ответ Горькому», очевидно, ответ на мою статью по поводу десятилетия Октября. Автор «ответа» спрашивает меня:

«Что заставляет вас низко лыстить наших злодеев и умалчивать их преступления? Ваши слова (о сознании в советском режиме государственного значения труда) жгут нам мозг, пока мы с красными флагами идем «демонстрацией» нашего энтузиазма, в то время как наши жены и матери стоят в очередях за молоком, мукой и маслом».

Дальше он — ругается.

Считаю нужным сообщить автору «ответа» и единомышленникам его, что такие дрянненькие письма, как его письмо, я получаю давно и весьма часто. Раньше столь же свирепо мне писали «черносотенцы», так же смешно угрожая всяческими кознями, как угрожалот теперь люди, которые 15—20 лет тому назад были — я думаю — искренними врагами всяческого черносотенства и мракобесия. Литература этого сорта тогда не мешала мне делать мое дело, не мешает теперь, не помешает и впредь. Бывший птицелов, я, и не видя птицы, знаю, какая поет. Знаю также, что «реформы», например, реформы Петра I, тоже порицались людьми, которым сладко было жить «по-старинке».

Но в Союзе Советов ныне работает не Петр Великий, а Великий Иван, — рабочий и крестьянин под одной шапкой, и дело идет не о реформах, а о коренном преобразении всех основ старинной жизни. Поэтому вполне понятна скуперия и хула, изрыгаемая любителями уютной старины на рабоче-крестьянскую власть, которая неутомимо ведет всю трудовую массу к возрождению.

Мне известно, что в России было и есть много плохого, имею основание думать, что это известно мне лучше, чем авторам анонимных писем. Но никогда и нигде еще хорошее не было так хорошо, как теперь в России. И никогда нигде плохое не было так безнадежно обнаружено, нигде не борются против него так энергично, как в Союзе Советов.

Авторы анонимных писем и вместе с ними г. Дан из «Социалистического Вестника» желают знать: почему я теперь говорю не то, что говорил в 1917 г. Ответаю: в 1917 году я ошибался, искренне боясь, что диктатура пролетариата поведет к распылению и гибели политически воспитанных рабочих-большевиков, единственной действительно революционной силы, и что гибель их партии затемнит самую идею социальной революции. Известно, что тогда ошибался в этом не один я, а и еще многие из большевиков. Тогда же огромное количество интеллигенции поняло, что тоже ошибалось, считая

себя революционной силой. С той поры прошло десять лет, и за это время в России, — во всех областях труда и творчества, — сделана изумительная работа, хотя работе этой вселенски мешала и продолжает мешать «культурная» Европа при усердном подучивании ее буржуазии русскими эмигрантами, людьми, которые «ошиблись» и отвратительно обозлены своими ошибками, а также сознанием своего ничтожества.

Я не лгу рабоче-крестьянской власти, а искренне восхищаюсь ее работой, ее умением вдохновлять людей на труд и творчество. Вам не нравится, что восхищаюсь? Было бы странно, если-б это вам нравилось. Должен сказать, что я не пою ни случая, когда мне хотелось бы «правиться» кому-нибудь, а особенно — людям вашего умонастроения. Разумеется, я не протестую против тех свершенных ругательств и угроз, против лжи и клеветы, которыми вы меня награждаете, от «ничего делать» и столь усердно. Я ведь знаю, что свобода словесия — ваш лозунг и ваша забава. И что же бы вы делали, если бы не умели лгать?

Г. Дан в своей статье указал, что и, прежде чем напечатать мой привет рабоче-крестьянской власти в английской газете, «сдел нужным послать его на одобрение начальства». Мало-мальски «приличный», «порядочный» человек не написал бы такую пошлость. Г. Дан — написал.

Затем он, в странном одиночестве с анонимами, кричит о «жестокости» рабоче-крестьянской власти, очевидно, забыв о недавнем прошлом, о массовых расстрелах рабочих, о «случае на Лене», о еврейских погромах 903 г., о 9-м января и о многом прочем в этом духе, об Амурской железной дороге, о десятках тысяч людей на каторге, о гнусной войне 14—18 гг. и, наконец, о том, что делали в России белые генералы при благосклонном участии некоторых русских «революционеров» и молодежи «высоко квалицированных» интеллигенттов. Г. Дан очевидно, не понимает, что есть жестокость, возникающая в народе из чувства мести за те бесчеловечные и чудовищные мучения, которые он пережил, и есть жестокость самозащиты народа, орудиями тайными и явными предателями, попричьемными его врагами. Эта жестокость вызвала и — тем самым — оправдана.

Но есть жестокость паразитов, которые, привыкнув жить за счет энергии поработанных, пытаются вновь поработить народ, завоевавший свободу. Эта жестокость не может найти оправдания.

Напоминаю об этом г. Дану, конечно, не дляpoleмики с ним, а для поучения его.

М. ГОРЬКИЙ.